

Ю. В. Козина

УДК 371.3:81'367.622

**ГРАММАТИЧЕСКАЯ
КАТЕГОРИЯ
ИМЕНИ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
КАК ОТРАЖЕНИЕ
НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА
ОБУЧАЮЩИХСЯ
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ**

Лингвистика на современном этапе своего развития все чаще уделяет внимание вопросу взаимосвязи языка и социума, а именно формам проявления мышления человека в языке (Ю. Н. Караулов, И. П. Сусов, И. К. Архипов), с одной стороны, и роли языка в познавательной деятельности человека (Ю. Д. Апресян) – с другой. Многообразие представлений о действительности формирует определенную картину мира, в рамках которой выделяют языковую картину мира, что в традиционном смысле означает понимание реальности, отражённое в языковых знаках, «языковое членение мира», «особый способ мирозидения», выражающийся различными языковыми средствами [1, с. 8; 4, с. 85]. «Язык, таким образом, рассматривается как форма жизнедеятельности человека; как способ осознания и вербализации человеческого опыта» [5, с. 5]. Ю. Д. Апресян называет языковую картину мира наивной, потому что часто она искажает реальное положение вещей или иначе классифицирует действительность [1]. Однако, как подчеркивает исследователь, наивная – не значит примитивная, за «наивностью» языковой картины мира стоит опыт десятков поколений, таким образом «наивность» связана с отражением бытового, обыденного восприятия вещей в противоположность научному их пониманию и объяснению [1, с. 14].

Изучение наивной картины мира имеет большое значение для выявления субъектив-

ных представлений об окружающем мире, обогащения знаний об особенностях национального характера и т.д. В свою очередь, наивная картина мира может проявляться в языке по-разному. Кроме того, она определенным образом влияет на речевую деятельность индивидуума, в частности, на речь обучающихся. В процессе преподавания русского языка в современной общеобразовательной организации педагогам необходимо обращать внимание учащихся на отражение наивной картины мира в их речевой деятельности, так как часто с субъективизмом восприятия мира связаны различного типа речевые ошибки. Ярким примером проявления субъективизма является лексико-грамматическая категория одушевленности / неодушевленности, распределение лексем в рамках которой тесно связано с индивидуальными представлениями носителя языка о реальности. Разделение обучающимися объектов окружающего мира на живое / неживое является доминирующим фактором при отнесении лексемы к числу одушевленных / неодушевленных. Однако нередкими являются «случаи несоответствия объективного статуса предмета его характеристике в пределах категории одушевленности / неодушевленности» [8, с. 9], что приводит к неоднозначному проявлению этой категории на морфологическом уровне (параллелизм флексий), и, следовательно, может вызывать трудности при выборе грамматической формы существительного.

Цель статьи – определить роль лексико-грамматической категории одушевленности / неодушевленности в формировании наивной картины мира обучающихся. В рамках указанной цели основной задачей является анализ особенностей взаимосвязи формы и семантики имен существительных, фиксирующих параллельные окончания на уровне категории одушевленности / неодушевленности, сквозь призму субъективного восприятия обучающимися объектов окружающего мира.

Исследование функционирования категории одушевленности / неодушевленности проводится преимущественно путем анализа противопоставления форм аккузатива существительных мужского рода единственного числа,

а также лексем всех родов во множественном числе. Объекты, которые на онтологическом уровне определены как живые, имеют форму винительного падежа, омонимичную родительному, тогда как предметы, обозначающие неживые существа, представлены в форме винительного-именительного. «Субстантивы, у которых выбор формы одушевленности или неодушевленности связан с колебаниями в определении статуса самих объектов, обозначающие не столько живые и неживые предметы, сколько предметы, осмысливающиеся как живые и неживые, объединяются в ряд промежуточных групп» [2, с. 74]. В большинстве случаев такие существительные фиксируют двойственность окончаний accusativa. Также подобные наименования могут репрезентировать явление грамматической асимметрии [6], несоответствие окончания винительного падежа семантике лексемы.

Рассмотрим особенности оппозиции одушевленности / неодушевленности в рамках лексической группы «названия умерших людей». Субстантивы по типу *мертвец*, *покойник*, *труп*, *утопленник*, *усопший* относятся к существительным упомянутых промежуточных групп, в состав которых входят лексемы, объединяющие в своих значениях семы, указывающие на живое и неживое одновременно. Представляющим для нас интерес является субстантив *труп*, употребление которого сопровождается неправильным выбором обучающимися окончания винительного падежа, например: *смотрели на трупа*, *испугались трупов* и т.п.

Причины такого употребления можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, грамматически лексемы *мертвец*, *покойник*, которые принадлежат к тому же семантическому классу, что и существительное *труп*, соотносятся со значением одушевленного предмета, так как имеют форму винительного падежа, омонимичную родительному. Можно предположить, что обучающиеся употребляют такое окончание для субстантива *труп* вследствие грамматической аналогии. На наш взгляд, появление такого рода уподобления форм находится на гносеологическом уровне,

другими словами, происходит совмещение признаков живого, которые объединены в компоненте «человек», и признаков «неживого» – «умерший» в сознании учащихся. Безусловно, в лексеме *труп* преобладают признаки неживого (оболочка, то, что осталось от человека), однако определенная связь с «жизнью» в семантике подобных субстантивов также прослеживается. В этом аспекте стоит отметить «влияние ранних стадий развития мышления, когда люди настойчиво отказывались видеть в смерти полную потерю жизненных признаков» [7, с. 77]. Не менее важны религиозные верования большинства носителей языка, в частности, смерть в некоторых представлениях – это лишь переход к другому состоянию, в другую инстанцию, начало жизни в другом мире. Убедительными, на наш взгляд, является также представление о мертвецах, покойниках в мифологии и славянском фольклоре, где часто встречаются выражения *живой мертвец*, *благодарный покойник*, *ходячий труп*, то есть умершие люди обладают определенной активностью: покойники, мертвецы, трупы могли вставать с могил, приходиться к людям с положительными или отрицательными намерениями. Большое количество примет связано с этими «существами»: если не выполнить определенные обряды, то *покойник будет бежать вдогонку*, *висельник будет пугать*, *мертвец начнет мучить лошадей* и прочее. Таким образом, вера в жизнь после смерти наделяет умерших возможностями, свойственными живым людям.

Именно субъективное восприятие подобных объектов позволяет отнести их наименования к классу одушевленных в рамках категории одушевленности / неодушевленности. В этом плане имеются все основания не выделять существительное *труп* из числа подобных ему, потому что «его поведение в контекстах различно и во многом зависит от воли говорящего, который или хочет подчеркнуть свое понимание семантики слова труп как человека, жившего когда-то, а значит, мыслимого и после смерти как живого, или хочет проигнорировать этот смысловой компонент, актуализируя семантику слова труп

«останки», что приводит к соответствующему выбору грамматической формы» [3, с. 114].

В речевой деятельности обучающихся нередко можно зафиксировать наличие параллельных окончаний у существительных в словосочетаниях *собрать (набрать) грибы / собрать (набрать) грибов*. Оба варианта нормативно правомерны, однако в рамках категории одушевленности / неодушевленности можно отметить некоторые факторы, которые могут повлиять на выбор формы. В большинстве случаев названия грибов воспринимаются как наименования неодушевленных объектов, которые собирают для дальнейшего использования, преимущественно в приготовлении пищи, вследствие чего лексема *гриб* закономерно функционирует с окончанием, омонимичным именительному падежу: *набрать грибы, принести грибы, срезать грибы*. Однако следует помнить, что соответствующая форма винительного падежа является лишь «маркером» категории одушевленности / неодушевленности на грамматическом уровне, первичным критерием распределения существительных в этом аспекте выступает значение, зачастую приобретенное в контексте.

В речи грибников, например, появление новой флексии accusativa обусловлено, по нашему мнению, родом их деятельности. Люди, увлекающиеся походами за грибами, достаточно часто контактируют с этими объектами в своей жизни, обладают подробной информацией о них и, как следствие, в их сознании грибы воспринимаются как живые существа. Подтверждением такого субъективного их восприятия выступают в языке словосочетания по типу *грибы прячутся, грибы скрываются*, в состав которых входят глаголы, указывающие на признак живого предмета, на движение. Переносное употребление лексемы *грибы* в составе фразеологизма *растут как грибы после дождя* «является отражением реального факта: процесс роста этого биологического вида может происходить на глазах человека, который, очевидно, и сближает грибы в воображении грибников с живыми существами, которые способны самостоятельно передвигаться» [3, с. 139]. Имен-

но субъективная оценка предмета, активация семы «значимость», влияет на выбор формы винительного падежа.

Анализируемая лексема *гриб* используется для обозначения микроорганизмов (биологических), статус которых на онтологическом уровне окончательно не определен. Однако существительное *гриб* в этом значении, в отличие от других биологических организмов, не имеет возможности образовывать параллельные формы, ср.: *исследовать микробы / исследовать микробов, исследовать грибы / исследовать грибов*. Последняя форма не употребляется в русском языке, следовательно, у этого субстантива в значении превалирует сема «неодушевленный предмет», что причисляет его к разряду неодушевленных.

Таким образом, объясняя двойственность окончаний существительных в рамках категории одушевленности / неодушевленности на примере лексемы *гриб*, учителю русского языка стоит акцентировать внимание обучающихся на особенностях ее функционирования в контексте, на влиянии процессов метафоризации и фразеологизации, которые предопределяют грамматическое оформление данного субстантива.

Репрезентативными в аспекте параллелизма окончаний можно считать и названия пищи, некоторых блюд. Подобные наименования, соотношенные с названиями животных, рыб, птиц и т.д. в большинстве своем выступают со значением одушевленности, маркером чего является новая флексия accusativa, например: *раков промывают в холодной воде, раков варят до готовности, в кастрюлю кладут лук и жареного кролика*. Функционирование таких субстантивов в форме винительного-именительного единственного числа не характерно для русского языка (*приготовить рак, кроль*), тогда как формы множественного числа анализируемых существительных имеют вариативные флексии в функции объекта, ср.: *подготовленные караси солят, посыпают перцем / подготовленных карасей солят, перчат; крабы обжаривают / крабов обжаривают*. Употребление формы винительного-именительного в названиях морепродук-

тов логично мотивируется актуализацией значения «пища», что проявляется в сочетании с такими лексемами как *сваренные, нарезанные, обжаренные*, другими словами, утратившими признаки жизни. Однако наличие семы «еда» в упомянутых лексемах не всегда предопределяет выбор старой формы винительного падежа, причиной чему служит семантика контекста, точнее осознанное или же неосознанное намерение говорящего подчеркнуть свежесть продукта. Более того, некоторые моллюски принято употреблять в пищу в живом виде (в частности примером этому может служить подача живых устриц под лимонным соком), что откладывает свой отпечаток на выбор формы accusativa, даже если этот продукт уже приготовлен: *устриц запекают, устриц предлагают без раковин*.

Не наблюдается колебаний в выборе формы accusativa у существительных *шпроты, сардины*, на что, возможно, влияет унификация в сознании говорящего значений полисемичного слова, первым из которых выступает значение «рыба», а вторым – «консервы». Вторичное значение препятствует восприятию рыб как отдельных предметов, а только как их совокупность, что актуализирует сему «собираемость» и на синтагматическом уровне имеет соответствующее грамматическое оформление в любом контексте: *открыть шпроты, добавить сардины* и т.п. Стоит обратить внимание на тот факт, что контекст, в котором морепродукты обозначают конкретные, единичные предметы (моллюсков) с присущими им качествами (первичная форма, панцирь и т.д.), фиксирует новую форму accusativa, поскольку «объекты ассоциируются (пусть даже в вареном виде) с живыми морскими обитателями» [3, с. 173]. Кулинарные рецепты могут служить примером этого процесса: *Подготовленных крабов укладывают в салатник, заливают готовым маринадом из овощей с томатом, сверху посыпают рубленым зеленым луком и украшают маслинами*. Из контекста понятно, что крабы должны быть целыми, невредимыми, сохранять свой внешний натуральный вид. Именно сходство с живыми крабами может

препятствовать восприятию их как блюда, следовательно, на грамматическом уровне у соответствующих лексем употребляется форма accusativa-генитива.

При рассмотрении вариативных употреблений флексий винительного падежа стоит обращать внимание на контексты, в которых выбор формы субстантива зависит исключительно от говорящего и не меняет при этом смысл излагаемого, а лишь уточняет позицию носителя языка, и на контексты, в которых форма accusativa в рамках категории одушевленности / неодушевленности выполняет смысловозначительную функцию, при условии отсутствия других средств выражения семантики: *люблю рыбки* (пища) / *люблю рыбок* (существ).

Исходя из вышесказанного, на грамматическом уровне существительные, номинирующие блюда по названиям животных, птиц, рыб и т.п., во множественном числе могут иметь формы accusativa, омонимические родовому и именительному падежу, выбор которых в определенной степени зависит от контекста или субъективного отношения говорящего к объектам. На уровне единственного числа подобное параллельное употребление флексий ограничено.

Таким образом, особенности проявления категории одушевленности / неодушевленности на морфологическом уровне тесно связаны со спецификой осмысления действительности человеком. Параллелизм грамматических форм, характерный для определенных существительных, отражает стереотипы обычного сознания многих поколений, «наивные» представления об окружающем мире. При изучении рассматриваемой категории педагогам стоит учитывать способность обучающихся видеть устройство мира под субъективным углом зрения с целью возможной дальнейшей реконструкции их «наивной картины мира», что, на наш взгляд, позволит предупредить появления типичных ошибок в речевой деятельности учащихся, а также в целом будет способствовать формированию употребления двойственных окончаний субстантивов в рамках лексико-грамматической категории одушевленности / неодушевленности.

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена связь лексико-грамматической категории одушевленности / неодушевленности с разделением человеком окружающего мира на живое / неживое. Проанализированы некоторые группы субстантивов сквозь призму осознания носителями языка объектов окружающего мира, рассмотрены случаи проявления данной категории в речевой деятельности обучающихся.

Ключевые слова: категория одушевленности / неодушевленности, наивная картина мира, старая / новая форма винительного падежа, лексическое значение, живые / неживые предметы.

SUMMARY

The article describes the connection of category animate / inanimate with division of the world around into live / the lifeless. Some groups of nouns designating animate / inanimate objects are analyzed through a prism of comprehension of objects by native speakers. Some particular realizations of this category in the pupils' speech activity are marked.

Key words: category animate / inanimate, naive picture of the world, the old / new form of accusative, lexical meaning, animate / inanimate objects.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 томах. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
2. Боровик В. В. Категория одушевленности / неодушевленности и некоторые аспекты ее усвоения иностранными студентами // Вестник ИГЛУ. – 2010. – № 3 (11). – С. 72–78.
3. Ильченко О. С. Семантика грамматики: оппозиция одушевленности-неодушевленности в синхроническом и диахроническом аспектах: дис. на соиск. учён. степени канд. филол. наук. – Краснодар, 2004. – 231 с.
4. Кронгауз М. А. Семантика. – М.: Academia, 2005. – 351 с.
5. Лукина Н. Ю. Роль грамматических средств в формировании языковой картины мира: на материале грамматических катего-

рий имени существительного в русском и английском языках : автореф. дис. на соиск. учён. степени канд. филол. наук. – Ярославль, 2003. – 20 с.

6. Мороз Т. Ю. Семантико-грамматична асиметрія морфологічних категорій іменника: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук. – Харків, 2008. – 20 с.

7. Нарушевич А. Г. Категория одушевленности / неодушевленности и языковая картина мира // Русский язык в школе. – 2002. – № 3. – С. 75–78.

8. Нарушевич А. Г. Категория одушевленности-неодушевленности в свете теории поля: автореф. дис. на соиск. учён. степени канд. филол. наук. – Таганрог, 1996. – 24 с.

С. А. Стряпчая

УДК 811.161.1'373.23:37

ПРОЗВИЩА КАК МАРГИНАЛЬНЫЕ ИМЕНА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ярко выраженная тенденция общей антропоцентрической направленности лингвистических исследований конца XX начала XXI вв. обусловила усиление интереса учёных к проблемам педагогического дискурса в русле общей теории и практики дискурсологии. Педагогический дискурс в отечественной лингвистике представлен трудами Н.Д.Десяевой, О.М.Казарцевой, В.И.Карасика, Т.А.Ла-